

НАТУРФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ АНТИЧНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА В III ВЕКЕ. ЧАСТЬ II

Д.А. Балалыкин, А.П. Щеглов, Н.П. Шок

Статья посвящена актуальной проблеме в истории естествознания – взаимовлиянию натурфилософии и медицины в III в. На рубеже II–III вв. в медицине происходит важный перелом: формируется теория, которая начинает господствовать в этой сфере на всем цивилизованном пространстве, – анатомо-физиологическая система Галена. В статье подробно анализируются особое место и значение в развитии естествознания Александрийской школы, в рамках которой обеспечивалась синергия античной философии и христианской теологии.

Ключевые слова: история медицины, история науки, Александрийская школа, античное естествознание, Гален, Евсевий Кесарийский, Дионисий Великий, бл. Августин, Климент Александрийский, Демокрит, Платон

Полемика христианских богословов и философов – представителей александрийской школы со сторонниками атомизма имеет большую историю. Рассматриваемый нами текст Евсевия Кесарийского, показывающий взгляды св. Дионисия Великого, появляется не случайно. Имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность говорить об устойчивой тенденции в происходившей дискуссии. Анализ этой полемики позволяет ответить на вопрос, не рассматривавшийся ранее в естественно-научной историографии: существовала ли в раннехристианском богословии целостная натурфилософская позиция? Мнение о безболезненной абсорбции христианской мыслью натурфилософии Аристотеля считается общепризнанным в историографии. Однако большинство исследователей не идут дальше констатации того факта, что рационалистическое западно-христианское богословие охотно принимало и развивало линию Аристотеля в естественных науках. Многие ученые справедливо связывают начало этой традиции с работами бл. Августина (IV–V вв.) [1]. Разделяя и углубляя данную позицию, авторы настоящей статьи предполагают наличие определенной традиции, сложившейся до бл. Августина.

© Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П., 2013

Наличие или отсутствие такой традиции означает, что имеется два совершенно разных взгляда на важнейший вопрос: существовали ли осмысленные натурфилософские представления в раннем христианском богословии до бл. Августина? Отрицательный ответ означает случайность (или субъективность) положительной оценки аристотелизма в августинианской традиции. Сквозь призму такой точки зрения доминирование анатомо-физиологической системы Галена в Восточной Римской империи и Западной Европе до XVI в. носит субъективный, во многом случайный характер. Именно так это явление объяснялось крупнейшими советскими историками медицины. Положительный ответ на вопрос о раннехристианской натурфилософии означает совсем иное – доказательство гносеологической и онтологической закономерностей в синергии религии и естествознания в Западной Европе, приведших к научной революции XVII в. Попытаемся рассмотреть этот вопрос на примере Александрийской школы.

Мы практически не имеем достоверных, подтвержденных источниками данных, касающихся натурфилософских взглядов первых руководителей катехизаторской школы в Александрии – св. апостола Марка и Пантена. Однако уже св. Климент Александрийский, преемник Пантена, предлагает в своем фундаментальном труде «Строматы» развернутый анализ греческой философии [2]. Он подробно разбирает все известные философские школы, труды их лидеров, основные теоретические построения. Задача, решаемая св. Климентом, чрезвычайно объемна: отделить в «эллинской премудрости» полезное и совместимое с христианством от бесполезного и вредного. В силу масштабности этой задачи он концентрируется на основных теологических и философских проблемах. Он в критическом тоне упоминает Эпикура, его философскую систему, однако не углубляется в интересующие нас детали. Можно твердо говорить, что детально изложенной натурфилософской позиции, имевшей значение для истории естествознания, мы у св. Климента не находим. Но уже в середине II в. разворачивается ожесточенная полемика между его преемником Оригеном и крупным языческим философом-эпикурейцем Цельсом. Существование этой полемики хорошо известно специалистам: основные источники (например, труд Оригена «Против Цельса») переведены на русский язык, имеется значительное количество научных комментариев к ним [3]. Мы обратим внимание лишь на отдельные аспекты этой дискуссии, имеющие важное значение для нашего анализа.

В своем труде «Истинное слово», направленном против христианства, Цельс критикует его основные догматы с позиций атомизма. Эпи-

курейское представление о вечности мира, отрицающее фигуру Бога – творца материального мира, акт творения и идею Божественного провидения, он защищает с помощью именно этого натурфилософского довода. В связи с важностью этой части аргументации Цельса Ориген уделяет много внимания критике атомизма, закладывая основы той позиции, которую в предложенном нами тексте развивает св. Дионисий. Такими основами у Оригена как раз и становятся рассуждения о целесообразности наблюдаемого в живой природе – телеологический принцип функционирования материального мира. Все эти факты в совокупности позволяют нам говорить о наличии натурфилософских взглядов у представителей Александрийской школы.

Другой важнейший вопрос, возникающий в контексте нашего исследования, касается актуальности христианской натурфилософии для медицины. В историографии популярна точка зрения на христианство периода II–III вв. как религию маргинальную, объединявшую в основном представителей социальных низов. Врачи же в Римской империи – привилегированная социальная группа. В отечественной научной литературе указанный вопрос не анализируется вообще, а в западной историографии он хорошо изучен ведущими историками науки. Ввиду значимости этого вопроса для нашего анализа кратко упомянем результаты исследований, проведенных американскими коллегами.

Прежде всего сошлемся на работы крупного американского историка медицины Г.В. Фернгрена, профессора Университета штата Орегон (США). В своих работах, одна из которых так и называется – «Становились ли ранние христиане врачами?» и была доложена на Третьем конгрессе Конфедерации историков медицины в 2009 г., он указывает на удивительный факт: доля христиан во врачебном сословии во II–III гг. была выше, чем в любой другой привилегированной профессиональной группе [4].

Интересный немецкий ученый из Тюбингена, К. Шульце, восстанавливает поименный список врачей-христиан, живших в первые века. Подчеркивая крайнюю скудость источниковой базы и тайный характер вероисповедания у многих христиан во времена гонений, он упоминает 90 христиан-врачей в Римской империи периода II–IV вв. Для сравнения: количество христиан-пекарей в то время – 27. Известный американский социолог профессор Р. Старк считает, что общая численность христиан в Римской империи к концу II в. составляла 217 тыс. чел. [5].

Очевидно, что христиане-врачи, упоминаемые в различных источниках, ставших основой для анализа, проведенного К. Шульцем и Г. Ферн-

гренем, должны были приобрести широкую личную известность – иначе о них не писали бы. Такая известность могла быть связана с их профессиональной популярностью или с мученической кончиной (поэтому их имена сохранились в христианских мартирологических источниках). Нам кажется очевидным, что эти имена – лишь видимая верхушка «социального айсберга» структуры христианских общин того периода. С учетом представленных выше суждений наших зарубежных коллег приводимый нами далее текст Прокопия Кесарийского особенно важен.

Продолжая анализ натурфилософских воззрений св. Дионисия Великого, начатый в первой части настоящей работы [6], остановимся подробнее на сути его натурфилософских разногласий с эпикурейцами. Сразу оговоримся: суть богословских взглядов св. Дионисия как учителя христианской церкви, его полемика с этикой Эпикура, гедонистическими взглядами последнего, которые александрийский дидакал считал крайне опасными в духовном плане, остается за рамками нашего анализа. Нас интересуют исключительно натурфилософия великого александрийца и его место в истории естествознания.

Здесь мы видим интереснейшие методологические моменты, в частности связанные с полемикой о критериях истинности познания. Ранее мы уже обращали внимание на важность позитивного ответа на вопрос о познаваемости материального мира как оценки влияния той или иной натурфилософской (религиозно-философской) системы на становление естествознания.

Св. Дионисий совершенно иначе, чем Эпикур, понимает главный критерий истины в натурфилософии. Такими критериями, по мысли Эпикура, являются внутренние ощущения, через которые мы постигаем мир. Отсюда сам разум, умозрение, составляющее основу философии Эпикура, считалось зависимым от субъективного.

Св. Дионисий видит истинность познания живого в эмпирическом методе, и на первый план выводит значимость практического опыта. Его логика такова: опытное познание указывает путь к верным представлениям об устройстве материального мира. Но при этом правильные накопление и интерпретация эмпирических знаний невозможны без набора базовых, аксиоматических представлений о его устройстве. Главным базовым представлением является идея Божественного творения природы (и человека как ее части) по определенным законам, которые в принципе могут быть поняты и изучены: «Природу всего тела человека Он составил из необходимых частей, которые находятся в целостной взаимной связи и в достаточном взаимоотношении. Значение самых важных из

этих членов знают даже простые люди. Совершенно очевидно, что самым важным органом среди других являются голова и находящийся в ней мозг, словно сидящий на престоле в крепости, обладающий высшей силой. Мозгу сопутствует помощь, состоящая из органов чувств: глаза определяют то, что перед ними, уши передают, то, что слышат, пища ощущается через вкус, обоняние распознает запахи. Органы чувств позволяют тщательно исследовать то, что им подвластно» [7]; «Врачи тщательно исследовали эти органы и расположение внутренних частей человеческого тела. Пораженные своими открытиями, они признали божественность в природе. Мы же внимательно рассмотрим то, что лежит на поверхности» [8].

Из понимания акта творения мира по определенным законам следует вывод о целесообразности творения и дальнейшего функционирования сотворенного. Речь прямо идет о телеологическом принципе в естествознании. Подобное понимание и даже характер аргументации великого александрийца прямо совпадают с линией Платона, Гиппократов, Аристотеля и Галена в естествознании. Эти совпадения с их рассуждениями порой носят характер буквальных. Совсем иначе стояли вопросы, касающиеся методов познания в естественных науках, в гносеологическом развитии линии Демокрита – Эпикура – Асклепиада [9].

В теории познания Эпикура принято выделять следующие критерии истины: «предвосхищение», «претерпевание» и «образный бросок мысли». Предвосхищение – это «памятование того, что часто являлось нам извне», «отгиск, предварением которого были ощущения» и чувственные восприятия. Предвосхищения – суть понятия или общие представления, возникающие на основе чувственных восприятий из единичных представлений [10]. Претерпевание – это скорее критерий отношения к вещам, чем критерий оценки реального состояния. Претерпевание – основа для моральных оценок в соответствии с этическими принципами [11]. Содержание понятия «образный бросок мысли» определяется как интеллектуальная интуиция. Согласно Эпикуру, «истинно только то, что доступно наблюдению или улавливается броском мысли», а «главным признаком совершенного и полного знания является умение быстро пользоваться бросками мысли» [12]. Чувственно воспринимаемые свойства вещей возникают как продукты движения. Они не принадлежат вещам в себе, а являются только образом представления воспринимающих в соответственных случаях существ.

Свои мысли о природе Эпикур практически заимствовал у Демокрита: это пустое пространство и движущиеся в нем бесчисленные, но

качественно однородные атомы, различные только по величине и виду, соединением и разделением которых должно быть объяснено все происходящее. Тем самым утверждалось механическое понимание природы (ἡ ἀνάγκη).

На разных этапах развития естествознания – от Галена до Р. Декарта – отмечался антинаучный характер этого объяснения движения материи. По сути, это отсутствие всякого объяснения, закономерно приводящее к выводу об отсутствии законов функционирования живого мира, которые можно было бы познавать. Представления Левкиппа, Демокрита и Эпикура об организации живого сводились к идее некой механической природной необходимости, носящей совершенно случайный характер [13].

Весь действительный процесс происхождения живого, по мнению этих мыслителей, являл собой механику атомов, находившихся изначально в присутствии им движении, посредством соприкосновения друг с другом испытывавших давление и толчки. Таким образом, дело доходило до случайных соединений и разделений, представлявших собой возникновение и гибель отдельных вещей. Таким образом отрицалось всякое телеологическое понимание целесообразности строения и функций организмов. Мир обращался в дело случая (αὐτομάτων).

По Эпикуру, атомы отличаются друг от друга главным образом своим видом, их существует бесчисленное множество. Атомам присуще движение полета в пустом пространстве, само по себе, без всякого порядка. Встреча нескольких подобных атомов приводит к возникновению их скоплений. Вследствие напора в скоплении осуществляется вихреобразное движение, в которое вовлекаются все большие массы вещества из окружающего пространства. Таким образом из атомов образуются вещи, и в конечном счете возникает бесконечное многообразие миров и начинается вечный процесс жизни Вселенной, в котором отдельные миры появляются и снова исчезают по чисто механической причине.

При практическом использовании этой теории в медицине ученый приходил к выводу, что атомы души распределены по всему телу. При этом предполагалось, что к различным частям тела присоединены атомы души различной величины и подвижности, которые распределяют различные функции по разным местам тела: мышление помещается в мозг, восприятия – в отдельные органы чувств, сильное душевное возбуждение – в сердце, чувственное желание – в печень.

Подобное понимание анатомии и физиологии человека совершенно исключало взгляд на его тело сквозь призму целостной анатомо-физио-

логической теории, на базе которой можно было бы построить научные представления о здоровье и болезни. Поэтому Гален столь решительно критиковал теорию Эпикура и врачей, которые ей следовали.

Атомистическое учение Демокрита, излагаемое Эпикуром, устраняло всякую мысль о творении мира высшим существом по определенным законам, объясняя все явления только случайными механическими причинами. Случайные соединения атомов, из которых не менее случайно возникают вещи, не могут, по мысли Дионисия Великого, обусловить все многообразие мировых явлений, подобное объяснение приводит к разного рода натурфилософским нелепостям. Дионисий Великий сравнивал творение природы с творением предметов, осуществляемым в рамках разумного человеческого опыта: производство одежды, домов, кораблей не может происходить путем случайного сочетания атомов, но всегда является результатом разумных усилий мастера. Кроме того, эти вновь созданные предметы, будучи предоставлены самим себе с прекращением заботы человека о них, обыкновенно распадаются на составные части и не могут сами достичь случайного соединения. Поэтому, по логике св. Дионисия, и атомы без участия и мудрости их Создателя не способны образовать ни одного пригодного к употреблению предмета, тем более творений, о которых в Библии сказано: «хорошо весьма» (Быт. 1.31). И для объяснения происхождения Вселенной, «великого здания, состоящего из неба и земли», следует допустить существование Художника, который сообразно своим разумным целям соединяет атомы и сохраняет их сочетания.

Отрицая какую бы то ни было целесообразность мира, теория атомов Эпикура не может, по мнению св. Дионисия, объяснить и всей множественности вещей. Различие между видимыми вещами, какими являются солнце, луна и звезды, и невидимыми, такими как боги, демоны, души, между вещами природными – орлами, слонами, финиковыми пальмами, дубами не могло быть порождено атомами, одинаковыми по своей сущности и различными только по величине и форме. Невозможно предположить, чтобы такие разные по сущности вещи, как небесные тела, боги и люди, растения и животные, образовались из одних и тех же атомов случайным путем. Даже если допустить, что причина различия и постоянства тел содержится в разнице местоположения атомов и крепости их соединений, то остается необходимость в разумном Управителе и Мастере – «мудром пастыре или распорядителе» [14].

С эпикурейской позиции, когда мир рассматривается как результат воли случая, необъяснимы и непостижимы всеохватывающая строй-

ность, созвучие и природное великолепие в организации Вселенной. Дионисий Великий указывает на то, что античное наименование Вселенной – «Космос» имеет отношение к изначальному и идеальному порядку, благодаря которому она и создана. Он обращает внимание на то, что слово «космос», происходит от греческого глагола «κοσμέω», что значит украшать, выстраивать в определенном порядке (*τεταγμένον τε καὶ κεκοσμημένον τῆ φύσις*). В этом проявляется созданная Дионисием, наряду с другими раннехристианскими авторами, натурфилософская система, позднее названная в истории науки «естественным богословием» [15].

Наиболее интересным для нас, историков медицины, является попытка Дионисия Александрийского доказать целесообразное устройство Вселенной на примере устройства человеческой природы. Он указывает то, что в человеке нет ничего ненужного и напрасного, все части человеческого тела имеют свое назначение, служат поддержанию жизни или по крайней мере ее украшению. Целесообразное устройство человеческого тела не могло возникнуть в результате случайного сцепления атомов. Тем более это относится к душе, разуму и слову, которые не могли образоваться из бездушных, неразумных и бессловесных атомов.

Обратим внимание на название одного из главных трудов Галена – «О назначении частей человеческого тела». Мы видим удивительное совпадение логики и характера аргументации Галена и св. Дионисия: у обоих в основе натурфилософского позитивизма лежит представление о творении, о его гармонии и функциональной целесообразности. Это предопределяет телеологический характер медицинской системы Галена и его последователей вплоть до XVI в. [16].

Известно, что Демокрит, развивавший в конце V в. атомистические идеи своего учителя Левкиппа, по профессии был врачом. Роль атомистического материализма Левкиппа – Демокрита была высоко оценена в отечественной учебной и научной литературе в 50-е гг. XX в., за ним признавалось большое научное и историческое значение для становления и развития современной науки, основанной на материалистической концепции существования окружающего мира. Это было вполне созвучно марксистско-ленинской идеологии представлений об истории науки. Здесь важно прояснить позицию авторов настоящей статьи, основанную на современном анализе роли данной теории в развитии истории естествознания в целом и медицины в частности.

Атомизм и его основная идея о материи как совокупности мельчайших первоэлементов и их движении, безусловно, оказали влияние на формирование науки и отдельных научных концепций. Многие извест-

ные ученые знали об атомистической теории Демокрита, среди них Г. Галилей, Ф. Бэкон (в его трудах эта теория противопоставляется трудам Аристотеля) и др. Вместе с тем важно понимать, что метафизический атомизм философов V–IV вв. до н.э. не тождествен теории элементарных частиц современной науки.

Понятия атома у И. Ньютона и у Демокрита имеют, по сути, разное содержание. Ньютон рассматривает атомы как частицы с определенными свойствами, например они наделены силами притяжения и отталкивания; они формируют материю и определяют четкие законы ее поведения. У Демокрита атомы разнообразны по форме, существуют и хаотично движутся в пустоте. На фоне этих характеристик атомизм Демокрита вообще исключает какое-либо познание законов движения материи. Движущиеся атомы собираются в «вихрь»; распространяясь по отдельным местам в пустоте, они образуют отдельный мир, ограниченный своим «небом». Возникновение мира и всех вещей в нем происходит в результате соединения атомов, уничтожение же сводится к разединению и распадению на составные части.

Проблема объяснения очевидного факта движения (изменчивости) материи проходит через всю историю греческой философии. Демокрит кладет в основу объяснения данного явления случайность. В его понимании, все возникает на некотором основании и по необходимости. Таким образом, Демокрит уходит от ответа, и мы можем констатировать, что его атомизм не имеет непосредственного отношения к научному атомизму современной науки, родившейся в XVII в. (физики или химии). Анализируя значение теории Демокрита для научной революции XVII в., следует обратиться к мнению Р. Декарта. В одном из своих сочинений он сравнивал научное значение теорий Демокрита и Аристотеля таким образом:

«Быть может, скажут еще, что Демокрит представлял себе некоторые тельца, обладающие различной фигурой, величиной и движением, которые, соединяясь различным образом, составляют все ощутимые тела, и что, тем не менее, его философия всеми отвергнута. На это я отвечаю, что никто никогда не отвергал ее потому, что он предполагал рассматривать крайне малые, ускользающие от чувств частицы, которым приписывал различные фигуры, величины и движения, ибо никто не может сомневаться в действительном существовании таких телец, как уже было доказано. Отвергнута же она была потому, во-первых, что в ней предполагалась неделимость этих мельчайших телец, что я также всецело отвергаю; во-вторых, Демокрит воображал пустоту, окружающую эти тела, невозможность чего я доказал; в-третьих, он приписывал

телам тяжесть, которую я отрицаю в теле самом по себе, ибо она есть качество, зависящее от взаимного отношения между несколькими телами. Было, наконец, и еще одно основание ее отвергнуть: Демокрит не объяснил, в частности, как все вещи возникли из одного столкновения телец, а если и показал это для некоторых вещей, то не все, однако, его доводы настолько связаны друг с другом, чтобы дать возможность таким же путем объяснить всю природу (по крайней мере, насколько позволительно так думать на основании того, что из его воззрений сохранилось в письменном виде). А вытекают ли один из другого выводы, изложенные мною в настоящем трактате, – об этом я предоставляю судить читателю. Поскольку рассмотрение фигур, величин и движений было принято Аристотелем и всеми другими, так же как и Демокритом, и поскольку я отвергаю все, что последний предположил сверх того, так же как вообще отвергаю все предполагаемое сверх того остальными, то очевидно, что мой способ философствования имеет не больше родства с Демокритовым, чем с каким-либо иным» [17].

Также нельзя не отметить удивительный, крайне важный факт: Демокрит, будучи врачом, не привносит теоретических обоснований в медицину. Этому, конечно, есть объяснение: его учитель Левкипп был учеником крупнейших деятелей Элейской школы. В основе учения элейцев лежит несколько значимых постулатов: 1) ничто не существует; 2) если бы сущее было, то оно было бы непознаваемо; 3) если бы оно было познаваемо, то это познание невозможно было бы выразить словами. В таком русле осмысливались происходящие явления, что, конечно, не вполне соответствует прикладным задачам естествознания в целом и медицины в частности. Вполне очевидно, что накопление некоторого массива экспериментально полученных фактов и материалов наблюдений влечет за собой необходимость их теоретического обобщения и осмысления, однако у Демокрита этого не происходит.

Пример Демокрита не единичен – врачами также были известные натурфилософы Гиппон и Диоген Аполлонийский. Но как и Демокрит, они не связывали свои теоретические изыскания с медицинской практикой. Причина, по существу, состоит в том, что каждый из них, закладывая в основу возникновения материи некий первоэлемент (Гиппон – воду Фалеса, Диоген – «воздух» Анаксимена) и наделяя его разумностью, заведомо ограничивает познавательные возможности своей концепции, лишая ее возможности объяснять закономерности развития и функционирования материального мира, тем самым формируя представление о том, что он не может быть изучен. Данный факт делает теоретические концепции указанных мыслителей бесплодными, лишенными прогностического потенциала, тогда как для научной теории это один из наибо-

лее значимых критериев, позволяющих построить единую концептуальную систему, с помощью которой возможно более полное отображение определенной области окружающей нас действительности.

В данном случае проявляется интереснейшая тенденция в развитии античного естествознания, а именно, мы считаем возможным говорить об определенной последовательности научных переворотов в естествознании. Натурфилософская модель Аристотеля впервые предлагает нам практическую теорию познания. Такая теория возникает на фундаменте рационалистической реформы естествознания Сократа – Платона – Гиппократа, о которой много писалось в специальной литературе по истории науки [18].

В философской системе Платона устройство мира предполагается как результат деятельности первоначала, которое мыслитель определяет как «Мировой Ум». При этом Мировой Ум – определенно творец материального мира. В диалоге «Тимей» для его характеристики используются слова «строитель», «Демиург», «мастер» и, наконец, слово «бог»: «...Космос прекрасен, а Демиург благ, ясно, что он взирал на вечное; если же дело обстояло так, что и выговорить-то запретно, значит, он взирал на возникшее. Но для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос – прекраснейшая из возникших вещей, а его Демиург – наилучшая из причин. Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному, постижимому с помощью рассудка и разума» [19].

Мало того, по мнению Платона, у этого бога есть определяющие характеристики: он благой, разумный, рассуждающий. Он един (иначе – один, сам по себе, равных ему нет), он порождает мир путем упорядочивания изначально существующего хаоса. «Весь этот замысел вечносущего бога относительно бога, которому только предстояло быть, требовал, чтобы тело было сотворено гладким, повсюду равномерным, одинаково распространенным во все стороны от центра, целостным, совершенным и составленным из совершенных тел... Предоставив космосу все эти преимущества, дал ему жизнь блаженного бога. Если мы в этом нашем рассуждении только позднее попытаемся перейти к душе, то это отнюдь не означает, будто и бог построил ее после, ведь при сопряжении их он не дал бы младшему главенства над старшим» [20].

С точки зрения Платона, материальный мир сотворен, он имеет начало в акте своего создания. Впрочем, некоторые историки науки отмечают противоречивость описания этого момента. Ведь хаос, который Демиург (или Мировой Ум) упорядочивает, существовал у Платона как материальная субстанция до акта деятельности первоначала. Вместе с тем акт упорядочивания хаоса Платон определенно трактует как дейст-

вие по сотворению существующего мира с его законами. «Причина творения», т.е. творец, создающий мир актом своего благого волеизъявления, и есть всемогущий Демиург (т.е. бог). Он существует в идеальном мире, который неподвижен. Мир тварный, материальный, напротив, находится в постоянном движении.

Соотношение идеального и материального миров наиболее четко описано в диалоге «Федон». По мнению Платона, существует мир идей – порождение Мирового Ума (Демиурга). Понятие «эйдос» (идея) – одно из основных в системе Платона. Материя для него – лишь функция эйдоса, материальная сущность – как бы эманация идеи. Человек – это часть материального мира, при этом он обладает душой, которая бессмертна, и смертным, тленным материальным телом, вторичным, производным по отношению к душе. Эйдос-идея в таком случае тождественна душе. Посмертная участь души человека соответствует качеству его земной жизни. Платон высказывает мысль о посмертном спокойствии праведников и вечном мучении грешников. Последних мучает в Аиде, царстве мертвых, некий «гений», каждого – свой.

Здесь прослеживается явная аналогия с Библией и иудейскими, позднее воспроизводимыми христианством и исламом, представлениями о человеке, его душе, вечной жизни после смерти физического тела.

Совершенно очевидно, что Платоном впервые в истории предложена, по сути, монотеистическая религиозно-философская система. Интересно, что формально в ней не отрицается общепринятый в языческой Греции пантеон «олимпийских богов». Платон разрешает эту проблему очень легко и изяшно: он считает их богами, но созданными Демиургом – главным и единственным Богом-творцом. Платон допускает их существование как одно из проявлений идеального мира, предполагает их непосредственное общение с людьми и даже участие в людских делах. Однако для него это не имеет определяющего значения с точки зрения основных черт мироустройства: «Когда же все боги – как те, чье движение совершается на наших глазах, так и те, что являются нам, лишь когда сами того пожелают, – получили свое рождение, родитель Вселенной обращается к ним с такой речью: “Боги богов! Я – ваш демиург и отец вещей, а возникшее от меня пребудет неразрушимым, ибо такова моя воля. Разумеется, все то, что составлено из частей, может быть разрушено, однако пожелать разрушить прекрасно слаженное и совершенное было бы злым делом. А потому, хотя вы, однажды возникнув, уже не будете совершенно бессмертны и неразрушимы, все же вам не придется претерпеть разрушение и получить в удел смерть, ибо мой приговор бу-

дет для вас еще более мощной и неодолимой связью, нежели те, что соединили при возникновении каждого из вас'» [21].

Напрашивается вопрос: как это объяснить? В историографии на этот счет существует три точки зрения. Одни ученые, вслед за св. Климентом Александрийским, крупнейшим представителем Александрийской философской школы II в. н.э., утверждают, что Платон получил представление о монотеистической картине мира во время своего пребывания в Египте. Египетские жрецы, бесспорно, были знакомы с содержанием Торы – Пятикнижия Моисея, излагавшей основы монотеистической религиозно-философской системы иудаизма. Это мнение кажется логичным, ведь знаменитый «перевод семидесяти толковников» – первый перевод Пятикнижия Моисея на греческий язык (главный язык цивилизованной Ойкумены того времени) сделан по указанию царя Египта Птолемея всего лишь через 70–80 лет после пребывания Платона в Египте. Иными словами, содержание книги уже было известно в пересказах, считалось важным, интересным, спорным.

Учитывая большой интерес к Пятикнижию Моисея, царь принимает решение о необходимости сделать полный точный перевод с древнееврейского на греческий. Для этого по его приказу собираются 70 ученых, знатоков Пятикнижия Моисея, равно хорошо владеющих древнееврейским и греческим языками. Иначе этих переводчиков именовали «толковниками»: в то время знаток Торы был одновременно ее истолкователем, объясняющим (толкующим) ее смысл. Перед ними была поставлена задача перевода Торы на греческий, каждый из семидесяти был изолирован и работал вне контакта с остальными. В результате 70 текстов перевода совпали буквально, и это позволило сделать вывод о его точности.

Предположение о знакомстве Платона с основными тезисами религии древних иудеев в таком историческом контексте видится, как уже сказано, логичным. Логично оно и с гносеологических позиций: в науке ничего не происходит «из ничего». В древнегреческой философии до Платона мы не видим мировоззренческих систем, последовательным развитием которых могли бы быть его идеи относительно существования единого Бога-творца [22].

Однако в историографии есть и противоположное мнение. Многие ученые, особенно современные, считают Платона гениальным мыслителем, самостоятельно предложившим оригинальную философскую систему. Они исключают какие-либо заимствования и видят Платона гносеологически и хронологически предтечей религиозно-философской системы христианства. В пользу этой точки зрения говорит аргумент

о поиске первоначала, с которым связано основание материального мира, предпринимавшемся многими философами начиная с Фалеса. В рамках такого суждения идеи Платона – это, несомненно, революция рационализма в натурфилософии, но революция, вытекающая из предшествующего развития натурфилософской мысли [23].

Ввиду очевидного недостатка источников обе теории являются предположениями и не могут быть документально доказаны.

Существует и третья точка зрения, высказанная Августином Блаженным в его фундаментальном труде «О граде Божьем». По его мнению, совершенно не важно, прочитал ли Платон Пятикнижие Моисея в переводе египтян или сам додумался до всего (последнее, по мнению бл. Августина, возможно было только вследствие божественного откровения). Важно, что он пришел к верным умозаключениям и предложил правильную теорию, повлиявшую на развитие человеческой мысли. Эту точку зрения мы отметим как чрезвычайно здравую в практическом плане [24].

Для нас, историков медицины, конечно же, в первую очередь интересны взгляды Платона на естествознание. По мнению Платона, человек может познавать окружающий мир, знания об этом мире проистекают из чувственного опыта. При этом Платон впервые четко разграничивает понятия «мнение» и «знание». Знание, по Платону, это правильное мнение, сопровождающееся достаточными объяснениями, включающими анализ отличительных признаков вещи или явления – предмета познания. Об этом он рассуждает в диалоге «Гезтет». В диалоге «Парменид» Платон указывает, что идея не является чем-то непознаваемым, так как вещь есть материальное проявление идеи – подобно самой идее, на основании которой она сотворена. Познание вещи дает представление об идее. Тем самым увязываются возможности познания мира материального и мира высшего, идеального. В этом контексте мы можем говорить о позитивизме Платона с точки зрения истории естествознания. Вырисовывается модель познания: сначала – чувственный опыт, потом – его объяснение и осмысление через «анамнез», т.е. через воспоминания души о том, что она видела в единственно подлинном, по мнению Платона, мире идей [25].

Эти базовые идеи Платона были далее развиты в философской системе, предложенной Аристотелем.

Примечания

1. См.: *Балалькин Д.А., Шок Н.П.* Взаимодополняющее развитие натурфилософии и медицины в Древней Греции // *Главный врач: хозяйство и право.* – 2013. – № 2. – С. 47–52;

- Брук Дж.Х. Наука и религия: Историческая перспектива. – М.: Библ.-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 2004; Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1; *Cambiano J.* Philosophy, science and medicine // The Cambridge History of Hellenistic Philosophy. – Ch. XVIII.
2. См.: Климент Александрийский. Строматы / Подготовлено к изд. Е.В. Афонасиным. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. – Т. 1, кн. 1–3; *Praeparatio evangelica*. Band 8: Die Praeparatio evangelica [Die griechischen christlichen Schriftsteller 43.1 & 43.2] / Ed. K. Mras; Eusebii Werke. – Berlin: Akademie-Verlag, 1954, – 43.1; 1956. – 43.2.
 3. См.: Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб., 2008. – Кн. IV, 14. – С. 684. (Данное издание основано, в свою очередь, на известном дореволюционном издании: Ориген. Против Цельса / Пер. Л. Писарева. – Казань, 1912. – Кн. 1–4); Шахнович М.М. Парадоксы теологии Эпикура. – СПб., 2000. – С. 58–59.
 4. См.: Ferngren G.B. Medicine and Health Care in Early Christianity. – JHU Press, 2009.
 5. См.: Stark R. The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History. – Princeton University Press, 1996.
 6. См.: Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Часть I // Философия науки. – 2013. – № 2 (57). – С. 157–175.
 7. *Praeparatio evangelica*. – 43.1.
 8. Ibid.
 9. См.: Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века. – М.: Весть, 2013; Балалыкин Д.А., Шок Н.П. История медицины как предмет научного исследования // Человеческий капитал. – 2013. – № 4(52). – С. 130–135.
 10. См.: Шахнович М.М. Парадоксы теологии Эпикура.
 11. См.: Шахнович М.М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 101–103.
 12. Цит. по: Bailey C. The Greek Atomists and Epicurus. – Oxford, 1928. – P. 113–117.
 13. См.: Galen. On the Doctrines of Hippocrates and Plato / Ed., com., trans. by P. De Lacy. – Akademie Verlag, 2005. – P. 837.
 14. См.: Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М.: Гум. изд. центр «ВЛАДОС»; Русский Двор, 1997.
 15. См.: Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века.
 16. См.: Galen K. О назначении частей человеческого тела / Под ред. В.Н. Терновского. – М.: Медицина, 1971.
 17. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – С. 417–418.
 18. См.: De Lacy P. Galen's platonism // The American Journal of Philosophy. – V. 93, No.1. – P. 27–39; Id. Galen's response to skepticism // Illinois Classical Studies. – V. 16, No.1/2. – P. 283–306; Nutton V. Medicine // The Cambridge Ancient History. – V. XI, ch. 33.
 19. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 432–433.
 20. Там же. – С. 437.
 21. Там же.
 22. *Praeparatio evangelica*. – 43.1.
 23. См.: Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии; Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – Т. 3.
 24. См.: Бл. Августин. О граде Божьем. – Минск; Москва: Харвест-АСТ, 2000; Он же. О бессмертии души. – М.: АСТ, 2004.
 25. См.: Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии.

Приложение

Praeparatio evangelica, ed. K. Mras, Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica [Die griechischen christlichen Schriftsteller 43.1 & 43.2. Berlin: Akademie-Verlag, 43.1:1954, 43.2:1956]: 43.1:3–613, 43.2:3–426.

Текст Священного Писания на русском языке дан в синодальном переводе, близком к масоретской (талмудической) традиции. Текст Священного Писания на церковно-славянском языке дан по Острожской Библии Ивана Федорова и основывается на тексте 72 толковников (Септуагинте).

κε'. ΑΠΟ ΤΗΣ ΤΟΥ ΠΑΝΤΟΣ
ΣΥΣΤΑΣΕΩΣ

Ἦ τὸν μέγαν τοῦτον οἶκον τὸν ἐξ οὐρανοῦ καὶ γῆς συνεστῶτα καὶ διὰ τὸ μέγεθος καὶ πλῆθος τῆς ἐπιφανομένης αὐτῷ σοφίας καλοῦμενον κόσμον ὑπὸ τῶν σὺν οὐδενὶ κόσμῳ φερομένων ἀτόμων κεκοσμηθῆσαι καὶ γεγενῆσθαι κόσμον ἀκοσμίαν;

πῶς δὲ κινήσεις καὶ ὁδοὺς εὐτάκτους ἐξ ἀτάκτου προάγεσθαι φορᾶς; πῶς δὲ τὴν παναρμόνιον τῶν οὐρανίων χορείαν ἐξ ἀμουσῶν καὶ ἀναρμόστων συνᾶδειν ὀργάνων;

Τίνα δὲ τρόπον, μιᾶς οὐσίας καὶ τῆς αὐτῆς ἀπασῶν οὐσίας καὶ τῆς αὐτῆς ἀφάρτου φύσεως πλὴν τῶν μεγεθῶν, ὡς φασί, καὶ τῶν σχημάτων, τὰ μὲν ἐστὶ θεῖα καὶ ἀκήρατα καὶ αἰώνια, ὡς αὐτοὶ φήσασαεν ἄν, σώματα ἢ μακραιώνια γε κατὰ τὸν οὕτως ὀνομάσαντα φαινόμενά τε καὶ ἀφανῆ (φαινόμενα μὲν ἥλιος καὶ σελήνη καὶ ἀστέρεις γῆ τε καὶ ὕδωρ, ἀφανῆ δὲ θεοὶ τε καὶ δαίμονες καὶ ψυχαί· ταῦτα γὰρ οὐδὲ θέλοντες ὑπάρχειν ἀρνήσασθαι δύναται).

Глава 25 О СОСТАВЕ ВСЕЛЕННОЙ

Кто может приписать, этому величайшему обиталищу, состоящему из неба и земли, явленному благодаря великой и разнообразной мудрости и называемым космосом, что оно было устроено и возникло из-за носящихся в беспорядке атомов?

Каким образом и с помощью каких действий и путей раскрылся установленный порядок из беспорядочного движения (*атомов – авт.*)? Как всеобщее соответствие небесной музыки сфер могло произойти от нестройных и несообразных инструментов.

Каким же способом, одна и та же сущность неделимых частиц (*атомов – авт.*) есть сущность всего, которая имеет бессмертную природу, за исключением, как они говорят, внешних величин и форм. Как же тогда получается, что некоторые тела божественны, несмешанные и вечные, или, по крайней мере, как они сказали бы, что они долговечны, продолжительны и бессмертны, обозначаются при этом как видимые: солнце, луна, звезды, земля и вода и невидимые такие как божества, души. И как бы они не желали, они не могут этого отрицать.

τὰ δὲ μακροβιώτατα ζῷα τε καὶ φυτὰ (ζῷα μὲν ἐν τε ὄρνισιν, ὡς φασιν, ἄετοι κόρακες τε καὶ φοίνικες ἐν τε χερσαίοις ἔλαφοί τε καὶ ἐλέφαντες καὶ δράκοντες, ἐν δὲ τοῖς ἐνύδροις τὰ κήτη· δένδρα δὲ φοίνικες καὶ δρύες καὶ περσεαί· καὶ τῶν γε δένδρων τὰ μὲν ἐστὶν ἀειθαλῆ, ἃ καὶ καταριθμήσας τις εἶπεν εἶναι τεσσαρα-καίδεκα, τὰ δὲ πρὸς καιρὸν ἀνθεῖ καὶ φυλλορροεῖ)· τὰ δὲ πλεῖστα τῶν τε φυομένων καὶ τῶν γεννωμένων ἐστὶν ὠκύμορα καὶ βραχυτελῆ (ὧν ἐστὶ καὶ ὁ ἄνθρωπος, ὡς εἶπέ τις ἁγία περὶ αὐτοῦ γραφή· Ἐρωτὸς δὲ γεννητὸς γυναικὸς ὀλιγόβιος*);

ἀλλὰ τοὺς συνδέσμους φήσουσι τῶν ἀτόμων διαλλάττοντας αἰτίους γίνεσθαι τῆς περὶ τὴν διαμοιρῆν διαφορᾶς· τὰ μὲν γὰρ ὑπ' αὐτῶν πελυκνῶσθαι καὶ κατεσφίγγθαι [λέγειν], ὥστ' αὐτὰ παντελῶς δυσπαλάλακτα γεγονέναι πηλήματα, τὰ δὲ μανοτέραν καὶ χαλῶσαν τὴν συνάφειαν τῶν ἀτόμων ἐπ' ἔλαττον ἢ πλεόν ἐσηκέναι, ὡς ἢ θᾶπτον ἢ μετὰ πολὺ τῆς κολλησεως αὐτῶν ἀφίστασθαι, καὶ τὰ μὲν ἐκ τοιῶνδε καὶ ὠδὲ πως ἐσχηματισμένων, τὰ δὲ ἐξ ἑτέρων ἑτεροῶς διακεκμένων συμμεμίχθαι.

И самыми долговечными являются животные и растения. Как они говорят, наиболее долговечными среди животных предстают птицы такие, как орлы, вороны и фениксы. Среди наземных животных – это олени, слоны и змеи. Среди обитателей водных стихий – киты. Среди деревьев – это пальмы, дубы и персеи (*род египетского дерева – авт.*). Очень долговечны некоторые деревья четырнадцати вечнозеленых пород, как подсчитал кто-то. Как каждый цветок в надлежащее время сбрасывает листву, так и растения и животные рано умирают, имея недолгую и короткую жизнь, на них же похожа и человеческая жизнь, о которой говорит Священное Писание, «Человек бо рожден от жены, малолетен», «Человек рожденный женою, краткодневен»*.

Но они скажут, что все зависит от святей, которые объединяют неделимые частицы (*атомы – авт.*), именно связи являются причинами различия в продолжительности (*существования – авт.*). Поскольку некоторые вещи, как они говорят, связываются настолько плотно, что становятся непроницаемыми и их чрезвычайно трудно ослабить. В то же время в других вещах соединение неделимых частиц более слабое и свободное в больше или меньшей степени, так, что они расточаются быстро после определенного времени. Некоторые же вещи составлены из неделимых частиц определенной природы, они сформированы присущим им способом и составляются из других видов атомов.

* Иов 14.1.

Τίς οὖν ὁ φυλοκρινῶν συναγεῖρων τε καὶ ἀναχέων καὶ τάσδε μὲν οὕτω συντάττων εἰς ἥλιον, τάσδε δὲ ὡδί ἵνα ἡ σελήνη γένηται, καὶ ἑκάστας συμφέρων κατὰ τὴν οἰκειότητα πρὸς ἑκάστου φαῦσιν ἀστέρος; οὐτε γάρ αἱ ἡλιακαὶ τοσαῖδε καὶ τοιαῖδε καὶ ὅδε παρ' ἐνοθεῖσαι πρὸς ἐργασίαν καὶ σελήνης καταβεβήκεσαν οὐτε αἱ τῶν σεληνιακῶν ἀτόμων πλεκτάνα γαγρόνασι ποτε ἥλιος· ἀλλ' οὐδὲ ἀρκτοῦρος, εἰ καὶ λαμπρὸς ἔστι, τὰς ἑωσφόρου μεγαλοφρονήσαιτό ποτε ἂν ἀτόμους ἔχειν, οὐδὲ τὰς Ὀρίωνος αἱ Πλειάδες, καλῶς γάρ ὁ Παῦλος διέστειλεν εἰπών· “Ἄλλη δόξα ἡλίου καὶ ἄλλη δόξα σελήνης καὶ ἄλλη δόξα ἀστέρων· ἀστὴρ γάρ ἀστέρος διαφέρει ἐν δόξῃ.”

καὶ εἰ μὲν ἀνεπαίσθητος αὐτῶν ὡς ἀνύχων ἢ σύμπηξις ἐγένετο, ἐπιστήμονος αὐταῖς ἔδει δημιουργοῦ· εἰ δὲ ἀπροαίρετος καὶ κατ' ἀνάγκην ὡς ἀλόγων ἢ σφινερξίς, σοφὸς τις αὐτὰς ἀγγελάρχης συνελαύνων ἐπεστάτησεν· εἰ δὲ ἑκουσίως θεουργῆσαι συγκεκλήνται, θαυμάσιός τις αὐτῶν ἀρχιτέκτων ἐργοδοτῶν προηγήσατο, ἢ ἀθάπερ εὐτακτοῦ στρατηγὸς οὐ συγκεχυμένην εἶασε τὴν στρατιάν καὶ πάντας ἀναμίξ, ἀλλ' ἐν μέρει μὲν τὴν ἵππον, ἴδια δὲ τοὺς ὀπλίτας τοὺς τε ἀκοντιστάς καθ' ἑαυτοὺς καὶ χωρὶς τοὺς τοξότας καὶ

Кто тогда, распределяет атомы по категориям, и собирает их, и распространяет их в определенных границах, соединяет их таким образом, что появляется солнце, из других же атомов создается луна, а также объединяет несколько соединенных атомов согласно их одинаковому естеству, в результате чего появляется свет каждой отдельной звезды? Не могут солнечные атомы быть такого же числа и вида, как те атомы, из которых произошла луна. В то же время не могут объединения атомов из которых состоит луна, стать солнцем. Не был бы блистающим Арктур («*Страж Большой Медведицы*»), звезда в созвездии Волосаса – авт.) если бы не превосходил утреннюю звезду (*Венеру* – авт.) своим составом атомов, не мог же быть тем же самым, что и созвездие Плеяд или Орион. Справедливо было сказано апостолом Павлом: «Ина слава солнцу, ина слава луне, и ина слава звездам. звезда бо звезды изобилует в славе» «Иная слава солнца, иная звезд и звезда от звезды разнится в славе»[†].

И даже если сочетаются бездушные вещи, то и в этом случае требуется искусный ремесленник. Даже если их соединение было случайным и произошло по необходимости, как в вещах без причины, то и здесь требуется мудрый Устроитель, следящий за их сочетанием. Но если они были ограничены в своих действиях, то некий изумительный Зодчий взял на себя заботу в распределении их действий, как военачальник, который не оставляет армию в беспорядке и не смешивает

[†] Кор. 41.

τοὺς σφενδονήτας ἔνθα ἔχρῃν διατάξατο,
ἵνα ἀλλήλοις οἱ ὁμοσκευοὶ συμμαχοῖεν.

εἰ δὲ τοῦτο γλεῦν οἶονται τὸ παράδειγμα
διὰ τὸ ἐγάλων σωμάτων με πρὸς τὰ
ἐλάχιστα ποιῆσθαι σύγκρισιν, ἐπὶ τὰ
σμικρότατα μεταβησόμεθα.”

Εἶτα τούτοις ἐξῆς ἐπιλέγει

“Εἰ δὲ μήτε λέξις μήτε ἐκλογή μήτε τάξις
αὐταῖς ἄρχοντος ἐπικέοιτο, αὐταὶ δὲ ἐφ'
ἑαυτῶν ἑαυτὰς ἐκ τῆς πολλῆς κατὰ τὴν
ῥύσιν τύρβης διευθύνουσαι καὶ τὸν πολὺν
τῶν συμπάσεων διεκπερῶσαι κυδομιὸν αἱ
ὁμοίαι πρὸς τὰς ὁμοίας οὐχ ὑπὸ τοῦ θεοῦ,
κατὰ τὸν ποιητὴν, ἄγοντο, συντρέχοιεν δὲ
καὶ συναγελάζουσι γνωρίζουσαι τὰς
συγγενεῖς, θαυμασπὴ γε τῶν ἀτόμων ἢ
δημοκρατία, δεξιουμένων τε ἀλλήλας τῶν
φίλων καὶ περιπλεκομένων εἰς μίαν τε
κατασκηνοῦν συνοικίαν ἐπιγυομένων καὶ
τῶν μὲν ἀποτετορνευμένων αὐτομάτων εἰς
ἥλιον φωστήρα μέγαν, ἵνα ποιήσωσι τὴν
ἡμέραν, τῶν δὲ εἰς πολλὰς ἴσως πυραμίδας
ἀστέρων ἀναεφλεγμένων, ἵνα καὶ ὅλον
στεφανώσωσι τὸν οὐρανόν, τῶν δὲ
περιτεταγμένων, ἵνα αὐτὸν εἰκῆ
στερεώσωσι καὶ καμαρώσωσι τὸν αἰθέρα
εἰς τὴν τῶν φωστήρων ἐπιβάθραν
ἐπιλέξονται τε ἑαυταῖς αἱ συνωμοσίαι τῶν
χυδαίων ἀτόμων μονὰς καὶ
διακληρώσονται τὸν οὐρανὸν εἰς οἴκους
ἑαυταῖς καὶ σταθμούς.”

рода войск, но распределяет конницу
в одном месте, а тяжеловооруженную
пехоту располагает отдельно, копьенос-
цев и лучников ставит обособленно, а
пращников помещает в надлежащем
месте, чтобы одинаково вооруженные
между собой войны могли сражаться
вместе.

Но если они будут считать, что приве-
денный мной пример является шуткой,
потому что я сравниваю большие тела и
самые маленькие, то мы рассмотрим
самые малые тела.

Затем он добавил следующее:

Но если не было ни мысли, ни выбора,
ни порядка установленного правителем
для них, то тогда неделимые частицы
сами по себе направляются как великий
поток, проходя через великое множест-
во столкновений, объединяются слу-
чайно, а не под руководством Бога, как
об этом говорил поэт (*Гомер. Одиссея
XVII, 218 – авт.*). Атомы стремятся
объединиться в родственные группы,
где среди неограниченного своеволия
атомов, произвольно находят и поддер-
живают себе подобных и образуются по
подобию в одном общем для них месте.
Некоторые из них округляясь по собст-
венному желанию превращаются в
могучее светило – солнце, дающее день.
Другие вспыхивают многочисленными
пирамидами звезд, чтобы увенчивать
собой все небеса, в то время, они счи-
тают, что другие звезды расположены
вокруг случайно, чтобы сделать небеса
устойчивыми. Поэтому воздвигается
свод для течения светил, по которому
они могут подниматься. Объединения
простых атомов, могут распределяться

по жребию в свои собственные места в определенной части небес.

Ἐἵτα μεθ' ἑτερά φησιν·

После этого он (Дионисий Великий) сказал следующее:

“Ἄλλ' οὐδὲ τὰ φανερά ὀρώσιν οὗτοι οἱ ἀπρονόητοι, πολλοῦ γε δέουσι συνορᾶν καὶ τὰ ἀφανῆ. εἰόκασι γάρ μιν ἀνατολὰς ἐποπτεύειν τεταγμένας καὶ δύσεις μῆτε τῶν ἄλλων μῆτε τὰς ἐκπρεπεστάτας ἡλίου μὴδὲ χρῆσθαι ταῖς δι' αὐτῶν δεδωρημέναις ἀνθρώποις ἐπικουρίας, ἀναπτομένη μὲν εἰς ἐργασίαν ἡμέρα, ἐπιλυγασούση δὲ νυκτὶ πρὸς ἀνάπαυλιν. ‘Ἐξελεύσεται γὰρ ἄνθρωπος (φησὶν) ἐπὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ καὶ ἐπὶ τὴν ἐργασίαν αὐτοῦ ἕως ἑσπέρας.’

Но эти недальновидные мужи, далеки от того, чтобы различать невидимое, поскольку не видят, то, что и так ясно. Они не следят за постоянными восходами и заходами небесных тел, в том числе и самого заметного из них, солнца. Поэтому они не могут видеть те знамения, которые даны человечеству, и которые указывают на то, что день посвящен работе, а ночь предназначена для отдыха. «Изыдет человек, говорит Священное Писание, на дело свое, и на делание свое до вечера». «Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера»[‡].

ἀλλ' οὐδὲ τὴν ἑτέραν ἐπισκοποῦσιν ἀνακύκλῃσιν αὐτοῦ, καθ' ἣν ὀρισμένας ὥρας καὶ καιροὺς εὐκαίρους καὶ τροπὰς ἀπαρτρέπτους ἀποτελεῖ, ὑπὸ τῶν ἐξ ὧν ἐστὶν ἀτόμων ὀδηγούμενος, ἀλλὰ κἄν μὴ θέλωσιν οἱ δεῖλαιοι, ὡς δ' οὐκ πιστεύουσιν οἱ δίκαιοι: ‘Μέγας κύριος ὁ ποιήσας αὐτὸν καὶ ἐν λόγοις αὐτοῦ κατέσπευσε πορείαν.’

Однако они даже не замечают круговращения солнца, которое оно совершает в определенное время и времена солнцестояний происходящих в назначенную пору и повторяющихся в строгом порядке. Нет, они руководствуются только случайным сочетанием атомов, из которых по их мнению состоит солнце. Но эти несчастные мужи не верят и не желают признать, что «Велий Господь сотворивый е, и словесы своими ускори шествие». «Велик Господь, Который сотворил его, и по слову Его оно поспешно пробегает путь свой»[§].

ἄτομοι γὰρ ὑμῖν χειμῶνα φέρουσιν, ὧ τρυφλοὶ, καὶ ὑετοῦς, ἵνα ἡ γῆ τροφὰς ὑμῖν τε

О слепцы, атомы вам ли приносят зиму и дожди, чтобы земля произрастала

[‡] Пс. 103, 23.

[§] Сирах 43, 5.

καὶ πᾶσι τοῖς ἐπ' αὐτῆς ζῳοῖς ἀνῆ; θέρος τε ἐπάγουσιν, ἵνα καὶ τοὺς ἀπὸ δένδρων εἰς τρυφήν καρποὺς λάβητε; καὶ διὰ τί μὴ ταῖς ἀτόμοις προσκυνεῖτε καὶ θύετε ταῖς ἐπὶ καρποῖς, ἀχάριστοί γε μὴδὲ ἀπαρχὰς αὐταῖς ὀλίγας τῶν πολλῶν δωρεῶν (ὡς παρ' αὐτῶν ἔχουσιν) ἀφιερῶντες;»

пищу для вас и всех живущих вслед за вами? Или приносят вам лето, когда вы можете пользоваться плодами деревьев для своего удовольствия? Но почему тогда вы не поклоняетесь атомам, а приносите жертву божествам, дающих ваши плоды? В неблагодарности вы не посвящаете им (*атомам* – *авт.*) даже самые малые от богатых плодов, которые вы получаете от них.

Καὶ μετὰ βραχέα φησὶν

После короткой паузы, он сказал:

“Ὁ δὲ πολυεθνῆς καὶ πολυμηγῆς δῆμος τῶν ἀστέρων, οὓς αἱ πολυπλανεῖς καὶ αἰεὶ διαρριπτούμενα συνέστησαν ἄτομοι, χώρας ἑαυτοῖς κατὰ συνθήκας ἀπεδάσαντο, ὡσπερ ἀποικίαν ἢ συνοικίαν ἀνελόμενοι μηδενὸς οἰκιστοῦ μηδὲ οἰκοδεσπότη προεστηκότος, καὶ τὰς πρὸς τοὺς πλησιοχώρους γειτνιασεῖς ἐνομότως καὶ μετ' εἰρήνης φυλάσσουνσιν, οὐχ ὑπερβαίνοντες οὓς κατελιγ-φασιν ἐξ ἀρχῆς ὄρους, ὡσπερ ὑπὸ τῶν βασιλῶν ἀτόμων νομοθετούμενοι. ἀλλ' οὐκ ἄρχουσιν ἐκεῖνα· πῶς γὰρ αἱ μὴδὲ οὕσα; ἀλλὰ θεῶν λογίων ἐπακούσατε· ‘Ἐν κρίσει κυρίου τὰ ἔργα αὐτοῦ· ἀπ' ἀρχῆς καὶ ἀπὸ ποιήσεως αὐτῶν διέστειλε μερίδας αὐτῶν· ἐκόσμησεν εἰς αἰῶνα τὰ ἔργα αὐτοῦ καὶ τὰς ἀρχὰς αὐτῶν εἰς γενεὰς αὐτῶν.’

Неужели звезды, составленные из блуждающих атомов, смешали многие народы на земле? Может быть они отделили страны друг от друга по определенному соглашению и основали людские сообщества без какого-либо основателя или правителя, который бы управлял ими? Сами собой установили законы и границы между соседними народами, которые они честно и мирно соблюдают, не пересекая эти границы, данные им изначально? И все это происходит так, как будто эти законы им установили некие царственные атомы. Но как может управлять то, что не существует. Послушаем же Слово Божие: «Судом Господним дела его из начала, и от сотворения его раздели части их: украси во век дела своя, и начала их в роды их: ниже взалкаша, ниже утрудися, и не престаша от дел своих». Русский текст: «По определению Господа дела Его от начала, и от сотворения их Он разделил части их. Навек устроил Он дела Свои, и начала их — в роды их»^{**}.

Καὶ μετὰ βραχέα φησὶν

И после этого он продолжил.

^{**} Сирах 16, 26-27). (Книга Сираха не входит в синодальный библейский канон).

“Ἡ τίς οὕτως εὐτάκτως πεδιάδα γῆν
 διδάδευσε φάλαγξ, οὐ προθέοντος οὐδενός,
 οὐκ ἐκτρεπομένου, οὐκ ἐμποδοστατοῦντος,
 οὐκ ἀπολειπομένου τῶν
 συμπαρατεταγμένων, ὡς ἰσόστοιχοι καὶ
 συνασπιδοῦντες ἀεὶ προΐασιν ὁ συνεχῆς τε
 καὶ ἀδιάστατος ἀόχλητός τε καὶ
 ἀνεμπόδιτος τῶν ἄστρον στρατός; ἀλλ’
 ἐγκλίσειε καὶ ταῖς εἰς πλάγιον ἐκνεύσει
 γίνονται τινες αὐτῶν ἄδηλοι τροπαί. καὶ μὴν
 ἀεὶ καιροφυλακοῦσι καὶ προορῶνται τὰς
 χώρας, ὅθεν ἕκαστος ἀνεισιν, οἱ τοῦτοις
 προσεσηκότες εἰπάτωσαν οὐν ἡμῖν οἱ τῶν
 ἀτόμων τομεῖς καὶ τῶν ἀμερῶν μερισταὶ
 καὶ τῶν ἀσυνθέτων συναγωγεῖς καὶ τὰ
 ἄπειρα περινοοῦντες, πόθεν ἢ κυκλοφορικῇ
 τῶν οὐρανίων συνοδία [περιοδία], οὐχ ἐνὸς
 παραλόγως ἀτόμων πηγματος οὔτω
 σφενδονηθέντος, ἀλλὰ τοσούτου κυκλίου
 χοροῦ κατὰ ρυθμὸν ἴσα βαίνοντος καὶ
 συμπεριδινομένου, πόθεν ἀδιάτακτοι καὶ
 ἀπροαίρετοι καὶ ἀγνώτες ἀλλήλων
 συνέμποροι παμπληθεῖς συνανεστράφησαν.
 καλῶς τε ὁ προφήτης ἐν τοῖς ἀδυνάτοις καὶ
 ἀνευδείκτοις ἔταξε τὸ ξένους κἄν δύο
 συνδραμεῖν· ‘Εἰ πορεύσονται (φησί) δύο
 ἐπὶ τὸ αὐτὸ καθόλου, ἐὰν μὴ γνωρίσωσιν
 ἑαυτούς;”

Ταῦτ’ εἰπὼν μυρία τε ἄλλα τοῦτοις
 ἐπαγαγὼν ἐξῆς κατασκευάζει διὰ πλειόνων
 τὸ πρόβλημα ἀπὸ τε τῶν κατὰ μέρος
 στοιχείων τοῦ παντός ἀπὸ τε τῶν ἐν τοῦτοις

Фаланга идущая по равнине тогда пред-
 ставляет собой отличный порядок, ко-
 гда никто из воинов не бежит впереди,
 никто не выбивается из ряда. Ни один
 из воинов не преграждает путь другим и
 не отстает от боевого порядка, а все
 идут строго в рядах сомкнув щиты.
 Также и звездное же воинство движется
 вперед непрерывно, нераздельно и бес-
 препятственно. Однако и звезды откло-
 няются в сторону и у них происходят
 неясные отклонения орбит. Но кто вним-
 тельно следит за путями звезд в нуж-
 ное время, тот предвидит откуда и как
 они движутся. Пусть тогда разделяю-
 щие неделимое, составляющие несо-
 ставное и ограничивающие бесконеч-
 ность, тогда объяснят нам, откуда про-
 исходит одновременное и постоянное
 круговое вращение и периодическое
 возвращение небесных тел. Неужели
 это просто одно нагромождение атомов,
 которые случайным образом были за-
 пущены как из пращи? Ведь все это
 великое совместное круговращательное
 движение совершается в одном ритме.
 А как происходит, что огромное мно-
 жество сопутствующих частей без до-
 говоренности, без цели, и без знания
 друг друга, возвращается вместе на свое
 место? Справедливо сказал пророк о
 том, что даже два незнакомца должны
 действовать совместно. «Пойдут ли
 двое вместе», сказал он, «не сговорив-
 шись между собой»^{††}.

Рассказав об этом он (Дионисий Вели-
 кий – авт.) продолжает в дальнейшем
 обсуждать этот вопрос на примере от-
 дельных элементов Вселенной, таких

^{††} Амос 3, 3.

παντοδαπῶν ζώων καὶ διὴ καὶ ἀπὸ τῆς
τάνθρωπου φύσεως, ἐξ ὧν ἔτι βραχέα τοῖς
εἰρημένους προσθεῖς καταπαύσω τὸν
παρόντα λόγον·

как живые существа всех видов, насе-
ляющих ее и конечно же на примере
человека. Он добавляет несколько до-
водов к уже сказанному и тем самым
доводит начатую тему до конца.

Дата поступления 13.06.2013

Первый Московский государственный
медицинский университет, г. Москва
shok@msm-medical.ru

Balalykin, D.A., A.P. Shcheglov and N.P. Shok. Natural philosophy tradition in antique natural history and Alexandrian school in the 3^d century. Part II

The paper deals with an urgent problem in the history of science, viz the mutual influence of natural philosophy and medicine in the 3^d century. At the end of the 2nd and the beginning of the 3^d century, an important turn came about in medicine: the theory was formed which began to predominate in this field all over the civilized space – Galen’s anatomic-physiological system. Also, the paper analyses in detail the special role of Alexandrian school in the development of natural science: it ensured synergy of antique philosophy and Christian theology.

Keywords: history of medicine, history of science, Alexandrian school, antique natural history, Galen, Eusebios of Caesarea, the Great Dionysius of Alexandria, St. Augustine of Hippo, Clemens Alexandrinus, Democritus, Plato